

Николай Данилович

**Полное Дикобразе.
Происшествие в городе Птицын**

«Автор»

2026

Данилович Н.

Полное Дикобразе. Происшествие в городе Птицын /
Н. Данилович — «Автор», 2026

Сыщик барон Дикобраз Иванныч фон Свинощетин и его помощник-агути Янник Калиновский расследуют исчезновение сына мэра в Птичьем государстве — и быстро понимают, что столкнулись с заговором, который полиция хочет скрыть.

© Данилович Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Николай Данилович Полное Дикобразе. Происшествие в городе Птицын

Глава 1

Глава 1. Дикобраз отправляется в путь

Дикобраз Иванныч ненавидел длинные поездки. Не короткие путешествия в другой конец города за гастрономическими изысками, а дальние и муторные, в самом плохом смысле слова. Ненависть — сильное чувство, но Дикобраз мог чётко сформулировать причину такого негативного отношения.

Всё потому, что Дикобраз Иванныч являлся самым настоящим дикобразом из древнего дикобразе-грызуньего рода. Он имел фамильную приставку von и настоящий баронский титул.

Далеко не каждый грызун решится на длительную поездку, а если вы титулованный дикобраз, то вы никогда и ни при каких обстоятельствах не дадите своим длинным и прекрасным иголкам остаться без тщательного ухода. Иголки — они же, как титул, не у каждого имеются.

Вынудила же титулованную особу на такую поездку его профессия. Дикобраз Иванныч фон Свинощетин был сыщиком. У себя на родине, в Иглошерстове, он снискал славу невероятно продуктивного и профессионального сыщика с именем. Сама Звериная Полиция обращалась к фон Свинощетину за помощью! Загляните как-нибудь на досуге в газеты «Вороний вестник» или в «Сорочью правду»: вы удивитесь, но имя барона упоминается регулярно, чем дела королевской семьи.

И это несмотря на то, что Птичье государство славится своими собственными звёздами сыска! К примеру, горлица Стриптопелия Бонапарт была настоящей знаменитостью: начиная с дела о пропаже золотого червя и заканчивая расследованием убийства помощника судьи. Мэр Птицына Порцеллий Капский наградил её орденом Почётного Птицесвета, а король птичьего государства Змееяд Кирцутус VI лично одобрил представление её к награде.

И хотя ненавистная поездка, в которую отправился барон, сулила его удивительной красоте иголкам настоящую катастрофу, Дикобраз не мог поступиться честью профессионала. Всё путешествие сыщик продумал до мелочей. Во-первых, чтобы свести неминуемый ущерб к минимуму, Дикобраз Иванныч ежечасно протирал иголки специальным маслом и полировал щёткой из самого дорогого ворса, а во-вторых, для избежания всякого рода непредвиденных неприятностей он взял с собой помощника — грызуна из рода агути, молодого Янника Калиновского. Хотя в самой принадлежности к роду агути у Дикобраза Иванныча всегда были вопросы: сами посудите, носики у агутиевых зверушек короткие, а нос-хоботок Янника был внушительного размера. Несмотря на все вопросы к происхождению юноши, тот исправно следил за бароном, за сохранностью багажа и вёл необходимые путевые заметки. В кармане его синего драпового пальто хранились блокнот и карандаш. Молодой Калиновский вёл записи с самого начала пути, и от его зорких глаз-бусинок не укрылось ни то, что его начальник каждый раз с нежностью поглаживал собственный саквояж с принадлежностями для полировки, ни то, что контролёр до сих пор не посетил их купе, хотя с начала пути прошёл уже почти час.

Путешественники сидели друг напротив друга в просторном, ничуть не стесняющем внушительные габариты сыщика купе. Помещение украшали два уютных велюровых дивана

цвета тёмного авантюрина, расшитых золотыми нитями, складывающимися в причудливый узор из цветов. Разделявший их столик был из букового дерева и обработан под слоновую кость; на нём стояли два фужера. Окно было занавешено тёмно-красным тюлем. Капелька воды от недавно окончившегося дождя стекала с тыльной стороны стекла и будто разрезала купе пополам. Отблески мягкого утреннего солнца отбрасывали живописные красноватые тени на путников. Прохлада окутывала купе, и создавалось ощущение, что снаружи вступила в свои права зима, хотя календарь, который заботливо оставили под одним из фужеров, возвещал о том, что наступил первый день осени.

Поезд шёл быстро. Пейзажи сменялись один за другим. В вагоне стояла приятная тишина. Только чайная ложечка изредка глухо дребезжала и позвякивала в фужере, нарушая покой. Барон дремал.

Грудь сыщика мерно вздымалась, а широкий бледно-розовый нос вздрагивал от мимолётной встряски. Массивные лапы дикобраза с подстриженными когтями покоились на выдающемся животе. Щегольской бежевый жилет барона поблёскивал своими ярко-жёлтыми клетками. Почувствовав лёгкую уличную прохладу, которая просачивалась в купе через щель под дверью, мохнатый сыщик проснулся и застегнул верхнюю пуговицу цвета спелого винограда. Дикобраз вдохнул прохладу купе и огляделся. Он достал из ромбовидного кармашка своего жилета старые часы на цепочке, подержал их какое-то время, деловито всматриваясь в циферблат, и, убедившись, что для протирки ещё не пришло время, отправил их обратно на своё место. Привычка дикобраза поправлять непослушные иголки на голове была настоящим ритуалом для сыщика. Иногда в ход шла солидная расчёска с костяной ручкой. Барон вынимал её из пузатого саквояжа, расположившегося слева от него на диване. Переднюю сторону дорожной сумки украшала золотая бляшка с крохотными буквами «v» и «s», которые подчёркивали блеск металла своим перечным цветом и означали von Свинощетин.

Дикобраз, проведя когтем по металлической букве «v», взглянул на своего помощника Калиновского, который ёрзал на диванчике напротив. Укутавшемся в синий пиджачок из драпа Яннику было зябко и неудобно. Его суетливые движения, несмотря на мягкость мебели в купе первого класса, выдавали в нём неопытного зверя, который впервые оказался вдали от дома. Янник теребил в тонких лапках маленький берет из красной шерсти, словно пытался им согреться. Калиновский был молод по обычным животным меркам, а в своём роде агутти и вовсе был мал. С собой помощник (ни в коем случае не слуга! — как постоянно напоминал ему барон Дикобраз) непременно вёз холщовый мешок со всеми необходимыми съестными запасами, а потому, увидев взгляд своего начальника, грызун поторопился предложить тому печёное яблоко. Но когда полный нетерпения взгляд Дикобраза Иванныча упёрся прямым в маленькое и простодушное лицо Янника, тот сразу сообразил, что дело не в голоде, и поспешил достать из мешочка полирующие средства и тряпочку для протирки иголок. Довольный вид Дикобраза возвещал о том, что сыщик приступал к своему излюбленному занятию — полировке. Длинный носик-хоботок Янника вздрогнул, учуяв запах масла.

— И нечего морщить нос, — проворчал барон, заметив мимолётное движение носиком агутти, но, смягчившись, добавил: — Корень дуба резкий в запахе, но невероятно эффективный при полировке иголок.

Янник кивнул, но прикрыл хоботок лапой. Калиновский надеялся стать в будущем зятем Дикобразу Иваннычу, а потому такая поездка давала ему потрясающую возможность проявить себя с самой положительной стороны. Им обоим предстояло не только посетить столицу Птичьего государства — Птицын, но и посодействовать местным властям в расследовании дела о пропаже некоего Сен-Поля, как выразился сам барон. Подробности дела, по традиции, ожидали гостей по приезду в город.

Ничего не замечая вокруг себя, барон погрузился в свой «иголочный ритуал». Когда сыщик окончил дело и с удовольствием отметил, что блеск его вполне устраивает, он обнару-

жил, что его помощник Янник Калиновский погрузился в сон. В самом по себе сне не было ничего примечательного, но, видимо, он оказался настолько сладким и глубоким, что теперь из совершенно нелепого носа-хоботка Янника свисала такая же нелепая, даже отвратительная, сопля. Терпеть это было совершенно невозможно, поэтому Дикобраз Иванныч воспользовался одной старой, но не менее острой иголочкой, извлечённой из саквояжа, и кольнул ею спящего агути. Глаза Калиновского от удивления распахнулись. Молодой агути ощупал место укола.

— Ой, что же это... ой! — причитал он тонким голоском.

— Успокойтесь, мой друг. Это всего лишь моя, совершенно стерильная, стоит отметить, иголка.

На слове «иголка» дикобраз показал встревоженному агути острый предмет и тут же вернул его в саквояж, после чего погладил содержимое, словно проверяя, всё ли на своих местах.

— Своим поступком я хотел указать вам на неподобающий вид. Ваш нос... Он и без того неприятный на вид, доставил мне ещё более неприятное ощущение тем, что изверг, так сказать-с, соплю. И, стоит отметить, кхм, не самую маленькую.

Лицо Дикобраза Иванныча невольно исказилось так, что между его кустистыми бровями пролегла складка, поэтому он поспешил сменить свою гримасу отвращения на задумчивый вид. В арсенале сыщика было около дюжины разных выражений, или «масок», и все они являлись выражением определённой эмоции. Не стоит забывать, что von Свинощетин являлся аристократом, а при таком статусе терять лицо было ни в коем случае нельзя, поэтому ни за одну из «масок» барону не было стыдно, а некоторыми из них он даже гордился. Так, маска 4, которую он про себя звал «задумчивая», но не отрешённая, мигом украсила его мордочку, а складка между бровями исчезла, будто её и не было вовсе. Янник быстро протёр нос, но не платком, который всего-то нужно было извлечь из бокового кармана пиджака, а (о ужас!) беретом, который по-прежнему был сжат в левой лапе, и протараторил:

— Спасибо, барон.

Дикобраз Иванныч собрался отблагодарить своего будущего зятя каким-нибудь лакомством, хранившемся в дорожной сумке, но своей беретной выходкой агути окончательно сбил этот мимолётный порыв. «Интересно, и что моя дочь, — в уголках янтарного цвета глазок дикобраза блеснули слезинки, — с прекрасным весенним именем Желика, нашла в этом тщедушном, но таком полезном для дальних поездок агути?» — задумался барон. Неловкий Янник принёс повторные извинения.

— Возможно, ваш берет ещё можно будет спасти хорошей стиркой, — решил утешить Калиновского барон.

Пока Янник рассматривал берет и пытался понять, как же так получилось, что он совсем забыл про платок, дверь с лёгким шуршанием отворилась. В купе заглянул длинный кроваво-красный птичий клюв. Барон без труда узнал черты аиста — благородной птицы с историей. А история знает множество случаев, когда клюв аиста заглядывал в какое-либо место без предупреждения, но в данном случае повод был уважительный. Аист, поправив свою форменную фуражку проводника, обратился к пассажирам:

— «Синичка-экспресс». Проводник Петар Белошейный. Рад вас приветствовать в нашем поезде. Какова цель вашей поездки?

В конце приветствия аист грубовато щёлкнул клювом, а его крыло рефлекторно потянулось к козырьку фуражки, но мигом остановилось. «Надо же, бывший военный», — уловив прерванное движение, про себя заключил барон. От взгляда сыщика не укрылось ни прямая, как струна виолончели, спина, ни попытка отдать воинское приветствие. Дикобраз Иванныч вновь оценивающе осмотрел проводника: взгляд его глаз-бусинок пронизывал купе насквозь, как рентген. Атласные белые крылья контрастировали с небесно-синим костюмом проводника; маленький металлический значок в районе нагрудного кармана украшала надпись с вензелями: «К-р Белошейный». Дикобраз, проигнорировав вопрос аиста, кивнул в сторону Янника:

— Билеты у моего помощника.

Калиновский засуетился, но билеты нашёл быстро. Аист потянулся за билетом. Профессиональный глаз сыщика невольно отметил некую неидеальность: нескольких перьев на крыле не доставало, а одно было будто бы подпалено. Кроме этого, Свинощетин заметил застывшую капельку белой краски на лацкане пиджака. Казалось, что блестящее крыло проводника покрыто краской, которая проигрывала в белизне оригиналу. Дикобраз вопросительно поднял бровь (впрочем, сделал он этот жест учтиво), задавая немой вопрос.

«8-я перелётная война», — бывший старший офицер связи прервал тишину, снова прищёлкнув клювом. Аист Белошейный принялся внимательно изучать билеты.

«В Птицын без остановок... жаль. В это время года Правые Ткачики особенно прекрасны», — поставив акцент на слове «прекрасны», клюв снова издал цокающий щелчок. Дикобраз заметил лёгкую улыбку, если это движение можно было бы так назвать. Каждая птица, а тем более проводник поезда дальнего следования, питает особые тёплые чувства к здешней природе. Свинощетину, рождённому в пыльном Иглошерстове, такую любовь было не понять. Барон ответил улыбкой на улыбку скорее из вежливости:

— Мы с моим помощником были вызваны мэром Птицына по вопросам, — дикобраз на секунду замолчал, после чего сухо добавил, — разглашать которые я не вправе.

Заметив холод в глазах проводника Белошейного, сыщик уточнил, что его особа не против посетить парочку остановок на своём пути, в частности Правые Ткачики, которые «в это время года прекрасны». Практика показывала, что небольшие уступки туристического характера идут на пользу, если вы хотите сблизиться с местными обитателями. Чутьё подсказывало Дикобразу, что Петар — далеко не простой проводник с интересной жизненной историей, и за этой длинной шеей и любопытным клювом определённо скрывается не одна загадка.

— Что же... Рад слышать, что ваша поездка обещает быть разнообразной. Однако я обязан вас проинструктировать, — Белошейный откашлялся, прочистив горло. — Находясь во владениях Птичьего государства, уважительно относитесь к его обитателям, чтите законы и право клювного родства всех птиц и не-птиц, а также жителей птице-доверителей. Находясь на территории Птичьего царства, используйте птичий язык, а ежели не владеете таковым, то используйте Единый Звериный Язык. Более не смею вас задерживать, — отчеканил каждое слово Белошейный.

Дикобразу Иваннычу пришло в голову, что аист в бытность военной службы не единожды произносил подобные инструктажи — настолько хорошо была поставлена его речь. Дикобраз знал эти правила слишком хорошо, чтобы пытаться их анализировать, не отвлекаясь на усердно щёлкающий клюв аиста. Гораздо интереснее было наблюдать за Янником. Он, внимательно слушая клёкот аиста, достал карандаш из кармашка отглаженных чёрных брюк и принялся выписывать основные положения из речи Белошейного. Тот, в свою очередь, даже не смотрел на пассажиров: он был полностью поглощён инструктажем. Свинощетин отметил, насколько сильно бывшего военного, и, возможно, всё ещё действующего офицера элитного подразделения, волновали правила. «...Даже более, чем гражданская жизнь», — добавил про себя дикобраз.

Безэмоциональность аиста, с которой он воспринял известие о приглашении мэром в столицу Птичьего государства частного сыщика издалека, грызуна по своему происхождению, — вот о чём следовало бы задуматься. В Птицыне что-то происходило, и это что-то заставило аиста оглушительно молчать и не задавать лишних вопросов. Вот это было по-настоящему злое. Свинощетин привык доверять интуиции и иглам. Тем более что они никогда не подвели барона. Сейчас они приподнялись, чувствуя опасность, а ситуация была действительно опасной: они вместе с Янником находились на чужой территории среди птиц — зорких и хитрых. Впрочем, всё это вряд ли имело какую-то подоплёку, а молчание являлось обыкновен-

ной дисциплинарной выправкой Белошейного, который привык не вмешиваться в посторонние дела. Всё это дикобраз взял себе на заметку и пообещал поразмыслить над этим позже.

Наконец инструктаж со стороны проводника окончился, Янник дописал свои примечания, а барон отрешённо наблюдал пейзаж за окном. Деревья сменялись полями, поля — озёрами, озёра — деревеньками. Вслед за поездом по небу разлились облака. Словно опаздывающие пассажиры, они мчались за вагонами. Солнце поднималось всё выше над горизонтом. «Номер 10», — отметил сыщик в мыслях очередную маску. Поезд равномерно покачивался, а стук колёс отдавал тихим стуком по стенам вагона. В этом монотонном звуке сквозило неуловимое напряжение. Поездка в Птицын обещала быть особенно занимательной.

Дикобразу Ивановичу невольно вспомнились весёлые истории про Синьгу Торберна. Все дети из дикобразовой школы обожали эти рассказы, и Свинощетин не был исключением. Торберн — герой детских птичьих книжек. Он бегал по Птицыну с большой лупой и расследовал пропажи птенцов из средней перелётной школы. Сыщик на миг вспомнил и своего брата Клатуса, который был хуже Свинощетина, но обладал такой же копной острых игл и такими же роскошными усами. Клатус, будучи в старших классах, продолжал восхищаться умом персонажа из детских книжек. Каждая загадка, которую решал Торберн, отзывалась в сердце старшего брата, и тот без устали декламировал отрывки из детектива. Как же Дикобраз ревновал брата к этому выдуманному персонажу. Ревновал... Как же хотел он, чтобы однажды Клатус и про него сказал что-нибудь приятное, но старший брат вспоминал и цитировал кого угодно, но только не Дикобраза. И это неудивительно — брат не замечал его. Сам барон винил в этом родителей, которые дали ему это дурацкое имя! Оно делало его невидимкой для Клатуса. Поэтому Дикобраз со школьной скамьи всегда добавлял отчество Иванныч, чтобы хоть как-то показать себя и выделиться на фоне остальных учеников (и чтобы избежать насмешек, конечно же).

За воспоминаниями барон не заметил, как аист покинул их купе, и лишь лёгкий шелест его атласных крыльев за дверью напоминал, что он был здесь.

— Сэр, вы обратили внимание на его крыло? — прервал тишину Янник.

— Несомненно, мой юный агути.

— И вы не заметили странности? Я говорю не об увечьях, а о цвете его перьев. Они выкрашены в белый цвет. Мой нос сразу обратил внимание на эту странность. Белые крылья, но с нанесённой на них белой краской.

— Любопытно, мой друг. Впрочем, я отмечу для себя, что вы внимательны, дорогой Агути, — сам сыщик не стал говорить вслух о том, что заметил эту любопытную деталь, как только аист появился в дверном проёме.

— Но зачем ему понадобилось такое радикальное решение?

— Возможно, желание аиста — скрыть свою принадлежность к элитным подразделениям.

— К элитным подразделениям?

— Да. К примеру, к орлиным, — Дикобраз перевёл взгляд на Янника: лапа того застыла над чистым листом блокнота, всё ещё сжимая острозаточенный карандаш, погрызенный с противоположной стороны.

— Почему к орлиным? — не унимался агути.

— Всему своё время, мой дорогой друг. И стоит отметить, вы меня приятно удивили.

Барон лукавил насчёт «приятно», но всё же наблюдательность помощника склонила чашу весов в сторону одобрительной улыбки — его шестой «маски». Сыщик в очередной раз подтвердил для себя, что, несмотря на неуклюжесть Янника, в нём было что-то цепкое: его ум мигмом подмечал малейшие детали в собеседнике — будь то внешность или поведение. Глаза агути округлились. Такое красноречивое признание польстило ему, и на миг мордочка Янника озарилась горделивой улыбкой.

— Тут, мой друг, скорее возникает вопрос: зачем элитного бойца, пусть и бывшего, назначили проводником в наш поезд? Для нашей с вами сохранности или для того, чтобы мы с вами не лезли куда не следует? — решился на продолжение обсуждения дикобраз.

— Или же он просто скрывает своё происхождение по совершенно не зависящей от нас причине. Мне следует впредь быть ещё более внимательным, — признался вслух Янник и обратил свой взгляд к окну, где проносилась табличка с названием станции на деревянном щите: «Конюги».

Ещё много таких деревянных табличек предстояло проехать грызунам, прежде чем они окажутся на своей первой остановке — на вокзале города Великий Трясогузкин. Путешественники сидели молча, и каждый из них был втайне уверен, что где-то в глубине своего звериного нутра они оба ждали чего-то грандиозного от этой поездки.

Глава 2

Глава 2. Филины — лучшие друзья, а пеликаны — худшие врачи

Поезд приближался к первой остановке. Барон спал. Вот уже который раз ему снилось, как он, именитый сыщик, бежит по улицам родного Иглошерстова голый — без единой иголки — и не может никому доказать, что он тот самый великий исследователь преступлений, знаменитый von Свинощетин. В ответ он слышал смех прохожих и вопросы: «А иглы твои где, Дикобраз? А ещё барон называется! Самозванец, лжец!» От всех этих оскорблений у Дикобраза кружилась голова. Он проснулся скорее от нежелания лицезреть своё унижение далее, нежели от торможения поезда. Состав стоял, а голос горлицы из громкоговорителя возвещал о промежуточной станции.

«Великий Трясогузкин!» — объявил громогласно голос горлицы, по совместительству местного станционного смотрителя. Сыщик отметил для себя, что великолепно поставленный дикторский и в то же время командный голос горлиц являлся приятным средством для того, чтобы скинуть с себя остатки дурного сна.

Дикобраз тяжело выдохнул, одёрнув края жилета, и взглянул на помощника. Его помощник Янник казался уже более бодрым и держал в своих лапках небольшой путеводитель для птиц, как было указано на обложке. Его он успел раздобыть, пока барон спал. Сейчас грызун изучал буклетик и сверял название остановки с написанным в книжице. Почувствовав на себе чей-то взгляд, Янник поднял глаза на дикобраза:

— Сэр, мы на месте. Этот город называется Великий Трясогузкин. Не «Ткачики», конечно, но он славится редкой красотой местных трясогузок и отменным ячменным пивом. Если мы собираемся погулять, то позвольте взять ваш чемодан.

Янник потянулся к саквяжу с инициалами барона, но тот опередил его жестом, не терпящим возражения:

— Дорогой друг, мне следует больше времени уделять физическим нагрузкам. Кто знает, когда нам предстоит настоящая погоня? А, как известно каждому образованному зверю, дикобразы не созданы для бега, — заметив глаза Агути, полные искреннего недоумения, Дикобраз поспешил добавить: — Мы созданы для защиты, иначе зачем нам даны эти иголки.

С этими словами барон наклонился к саквяжу, приподнял его, взвесил, немного скривился от тяжести и тут же поставил на место неподъёмный груз. Предательская капелька пота выступила у него на лбу.

— Что ж, — пропыхтел Свинощетин, — полчаса, или, может, час в этом «чуде» под названием Трясогузкин не стоит такой нагрузки. На выход, мой юный Агути! Быть может, нам посчастливится встретить хотя бы одну трясогузку.

— Сэр, а с вашим саквяжем ничего не случится? — с беспокойством сказал Калиновский.

— Думаю, всё будет в полном порядке. Не зря наш проводник — ветеран 8-ой перелётной, — подмигнул своему помощнику барон, — любой воришка для него просто, как говорится, раз клювом щёлкнуть.

Свинощетин действительно был убеждён, что бояться нечего, и с безмятежной маской номер 5 на мордочке поспешил выйти из купе. Одновременно с путешественниками из соседнего купе вышел молодой вихрастый перепел. Серое пальтишко с протёртыми рукавами неуклюже висело на его плечах. Куцый вид одежды можно было заметить даже издали, и путники тут же обратили внимание на странного пассажира. Нахождение в вагоне первого класса явно было не по карману их неожиданному попутчику. Внезапный сосед по вагону сконфуженно уставился на путников, протёр нос своим мятым крылышком и поспешил удалиться в проти-

воположную сторону от выхода, показав напоследок путникам выдавшие виды подошвы своих коричневых ботинок.

— Может, следовало предупредить его, что выход с другой стороны? — предложил Агути, успевший за несколько минут изучить строение вагона. В вагоне первого класса выход оказался только с одной стороны, видимо, в целях безопасности важного гостя.

Барон задумчиво смотрел на удаляющуюся сутулую перепелиную спину и медленно пробурчал:

— «Друзья коростеля»...

— Что, простите?

— Это, мой друг, весьма известное местечко на юге Птицына. Я однажды выпивал там с друзьями-птицами по звериному студенческому обмену, — на этих словах Дикобраз ностальгически причмокнул губами.

— Интересно знать, что здесь делает перепел из Птицына? — удивился Калиновский. — Мне стоит приняться?

— Пожалуй, да. Сохрани его след для меня, Янник.

Агути наклонился и сделал несколько вдохов хоботком. Нюх Янника обладал невероятной силой: он мог распознать, сохранить запах в памяти, разложить его на составляющие и достать его из недр этой самой памяти, когда этот след пригодится снова. В своей картотеке запахов Янник Калиновский хранил ни много ни мало 300 различных запахов и запашков — от чарующего запаха утренней зари до мерзкого запашка коровьих лепёшек, которые не единожды разбрасывали в полях на его родине. Именно эта особенность наталкивала Дикобраза на мысль, что его помощник являлся кем-то иным, но никак не агути, которых Свинощетины видел огромное количество раз.

Внезапно за спинами раздалось дружелюбное и немного сиплое дыхание. До Дикобраза и его помощника донеслось что-то похожее на совиное «ухух». Только вот дыхание это принадлежало вовсе не сове. Перед детективом и агути стоял рослый, почти что два метра, филин в накрахмаленной белой сорочке. Дикобраз его сразу узнал. Филина звали Буба Пугачёв, и он был офицером местной звериной полиции, а к тому же давним другом сыщика по голубиной почте.

— Ухух, приятно! Давно не получал от вас писем, дорогой барон, — обратился Буба к Дикобразу, но тут же, заметив рядом маленького грызуна, приосанился и протянул крыло: — Глава местного отделения звериной полиции, старший инспектор Пугачёв. Просто Буба для друзей, ухух.

Голова с широко расставленными глазами несколько раз почти что сделала полный поворот вокруг шеи, заставив Янника ощутимо громко сглотнуть. Впрочем, крыло филина-полицейского грызун всё же пожал своей маленькой лапкой.

Щёки филина задрожали от смеха, на мундире с блестящими пуговицами яркие награды зазвенели в такт зычному, но дружелюбному хохоту. Ярко-жёлтые глаза офицера заблестели хищным блеском. Дикобраз опомнился и решил сгладить неловкость между полицейским и его помощником.

— Мой дорогой Буба! Вот уж не ожидал тебя встретить прямо здесь. В этом Великом... я позабыл название.

— Трясогузкине, — окончил за Дикобраза агути, продолжая потирать шею. Дикобраз Иванныч открыл было рот, но Буба его перебил:

— Не беспокойтесь, Дик Ванныч, птицы не охотятся на грызунов... — сделал паузу полицейский и тут же добавил: — По крайней мере уже много лет, — заухукал желтоглазый филин.

Агути, который не оценил чувство юмора большой птицы, продолжал неотрывно следить за филином. От его цепких глаз-бусинок не укрылись многочисленные награды полицейского. Одна медаль выделялась сильнее всего: «Медаль за отвагу в 8-й перелётной войне».

Словно прочитав мысли Янника, Буба погладил медаль крылом и, не отрывая взгляда от барона, продолжил:

— А вы, помнится, перестали писать мне письма!

— Разве? А не вы ли обиделись на мою заметку про пеликанов? — парировал Дикобраз, который был ошеломлён такой реакцией старого друга. — Буба, моё сомнение в том, что из пеликанов получаются плохие врачи, основано на информации из многочисленных прочитанных книг, а никак не на реальном опыте. Даже лучшим из нас свойственно ошибаться. Впрочем, я не ручаюсь, что информация в книгах была далека от истины.

— Нет уж, ухух, Дик Ванныч, вы не проведёте меня! Во-первых, колючий мой, я, в отличие от вас, не читаю никакие, э..э..м, заметки. Совсем. Много дел. Я теперь, как вы успели наверняка заметить, начальник полиции здесь, в Трясогузкине, — при этих словах он прошёлестел крылом по медной бляхе на мундире, которая означала, что филин занимает высокий пост в местном отделении полиции. — Но не стоит так напрягаться: просто весть о том, что великий барон, сыщик и просто мой друг окажется, пусть даже и проездом, в моём городе, не могла до меня не дойти! И вот я здесь. Так что никаких обид.

Буба выпрямился в полный рост и чуть было не задел потолок вагона.

— И что же во-вторых? — уточнил барон, которому уже не терпелось покинуть тесный вагон, который теперь казался ещё уже из-за офицера Пугачёва.

— А..а, ну и во-вторых, я тоже приношу свои искренние извинения. Следовало давно это сделать, — крутанул головой филин.

— За что же? — удивился Дикобраз.

— Уху-ха-ха! За то, что я всё время забываю, какой вы невыносимо серьёзный! — засмеялся вновь Буба и обнял сыщика.

— Ай! — тут же отпрянул он. — А ещё я всегда забываю об иголках.

Дикобраз не успел опомниться от столь резких заявлений, но филин уже серьёзным полицейским тоном добавил:

— Мы, то есть полиция, вынуждены попросить тебя о помощи. И, боюсь, получаса для того, чтобы объяснить вам с вашим коллегой масштаб проблемы, будет крайне мало, — на этих словах филин прищурил свои жёлтые глаза и продолжил: — Я уже поговорил с проводником поезда: «Синичка» даёт нам двое суток, а потом вы снова отправитесь по маршруту.

Дикобраз ободрился, Агути достал свой блокнотик, но шеф жестом показал ему, что не время.

— Это уже интересно, — Дикобраз был взволнован, но всеми иголками старался не выдать своего трепета. — Это дело как-то связано с нашей поездкой? Той, о которой, как мне казалось, не должны были знать? — осторожно уточнил Дикобраз, но всё же видно было, как от любопытства предательски задрожали его усы.

Филин снова зашёлся в смехе, сделав на этот раз всего один полуоборот головы и кинув взгляд на маленького Агути. Грызун тут же вздрогнул. Он уже почти привык к спонтанным поворотам странной головы филина, но всё ещё стоял с окаменевшим видом и не смел пошевелиться.

Когда смех полицейского кончился, клюв его поморщился, и он вновь стал серьёзным. Его ярко-жёлтые глаза-прожекторы превратились в чёрные щёлочки с жёлтыми крапинками.

— Неужели ты думал, что от моего острого взгляда укроется цель вашего визита?

В воздухе повисла тяжёлая пауза. Носик агути попытался словить хотя бы струйку свежего воздуха, но узкий коридор словно не пропускал никого.

Дикобраз уже попытался было узнать подробности столь зловещего заявления, но филин громогласно объявил:

— Юбилей мэра Птицына! — с торжеством закричал полицейский. — Я и сам на нём буду! — с громким «ухуканьем» он засмеялся, чем опять заставил Агути смутиться. Впрочем, как отметил про себя Калиновский, страх ушёл.

— Хочу непременно познакомить тебя, Дик Ванныч, с моим весьма близким коллегой, — он сделал театральную паузу и, не выдержав излишнего драматизма, залился хохотом: — У-ха-ха, пеликаном и, конечно же, ух-хух, врачом.

Барон залился краской. Ему были неприятны шутки Бубы, и он захотел вновь напомнить, что всего лишь полагался на уважаемые исследования. Во всех книгах, которые попадались на глаза сыщику, учёные умы хором утверждали, что врождённая лень, свойственная пеликанам, не позволяет им быть хорошими специалистами во многих областях, а уж тем более в таких серьёзных, как медицина.

— Знаете, а он похож на вас, — почти задумчивым голосом произнёс Буба.

— Чем же, стесняюсь спросить? — попытался придать разговору осмысленность Свинощетин.

— Он такой же колючий. У-ху-ху-ху, — залился филин смехом и тут же, переменившись в выражении, совершенно серьёзным тоном добавил: — На самом деле, Дик Ванныч, он отличный врач и совершенно незаменим в своём деле.

Возникла неловкая пауза, и вот уже они смеялись уже вместе. Агути с недоумением смотрел на обоих. Ему было неизвестно, что на самом-то деле Дикобразу не было смешно — он просто притворялся. Нет ничего более важного, чем поддержать друга, даже если вся эта поддержка будет заключаться в простой имитации смеха.

Досмеявшись до того, что у самого любителя посмеяться закололо в животе, Буба, ухукнув особенно громко, добавил:

— А если серьёзно, вам с вашим помощником сообщили, зачем вас сюда вызвали? Под «сюда» я имею в виду Птицын.

Обратился филин уже к обоим зверям. Оба путника переглянулись. Агути знал, что барон, даже если и знает что-либо об истинной цели визита, ни за что не выдаст тайну даже своему другу. Неохотно, с видимым усилием в голосе, Дикобраз Иванныч ответил:

— Честно говоря, всё было изложено весьма сумбурно и нуждается в тщательном пояснении, — Дикобраз испытующе поглядел на филина и продолжил: — Возможно, новоиспечённый начальник полиции осведомлён и в таких делах. Я убеждаюсь с каждой секундой: ничто не секретно среди птиц, — многозначительно изрёк сыщик.

Сказав это, барон тут же пожалел о своей шутке, но филин совершенно не обратил на неё внимания. Его глаза пробежали по дикобразу изучающе, словно решая какую-то задачу.

— Я так, ухух, и думал, — произнёс филин и выудил из кармана на груди часы, надпись на которых — «С благодарностью от мэра Птицына» — не укрылась от взгляда обоих гостей птичьего государства.

— Хотя времени у нас мало, придётся нам дожидаться моего пеликаньего друга и потом уже продолжить вместе, — ухукнул филин, — главное — не уколись при общении с ним, — уже с улыбкой добавил пернатый полицейский.

На миг к Бубе вновь вернулось его странное чувство юмора, а к маленькому агути — его чувство неловкости.

Всё это время дикобраза не покидало странное чувство дежавю. Весь этот смех, это бесконечное уханье, нарочито сальные шуточки — ровно такие, чтобы сказанное не несло нагрузки. Сыщик знал Бубу достаточно давно и понимал, что полицейский нервничает и очень сильно.

— Не кисни, хорёк! — обратился Буба к Яннику, и тот покраснел от негодования.

— Я агути, а не хорёк. Благородный грызун, — Калиновский выпрямился во весь свой невеликий рост, и полицейский, оценив решимость маленького грызуна, потешно приподнял свои большие крылья вверх и поспешил добавить:

— У-ху-ху, конечно, благородный, никак не хотел обидеть, — и, посмотрев в сторону Дикобраза, сказал: — А он, смотря, себя в обиду не даёт.

Физиономия полицейского опять посерьёзнела, и он оставил Янника в покое.

Белое атласное крыло легло на плечо филина, и голос проводника «Синички» Петара произнёс:

— Не следует вам, офицер, обсуждать такие важные вопросы в коридоре экспресса. Уши могут быть повсюду, — и, обратившись уже к барону, добавил: — А вы, сэр Дикобраз, постарайтесь не уколоть никого из встречающих на перроне птиц. Желаю удачи.

Потом аист отдал честь по-военному и добавил, смотря на всех троих:

— И помните: 8-я перелётная война не забыта.

И уже ни к кому конкретно не обращаясь, с застывшим взглядом, добавил:

— Пером и сердцем!

— Пером и сердцем, — вторил ему филин.

Агути отлично знал эти слова, и в горле у него пересохло. Мало им было странных филинов и перепелов, завсегдатаев питейных заведений, а тут ещё и фанатики-военные. Вряд ли, конечно, этот аист принадлежал к организации бывших военных с не воинственным названием «Корпус мира».

— Петар, мы уже, у-ху-хук, уходим, — вырвал всех из размышлений Буба и повёл барона и его помощника на выход.

Агути, проходя мимо проводника, не мог не заметить, как изменился взгляд Петара. Его глаза были стеклянными и уставились в одну точку — куда-то между глаз агути. Он отвёл взгляд и вздрогнул. Быть может, белая краска прикрывала отметины «Корпуса». Он знал этот символ организации наизусть: круг из перьев и когтей. Татуировка, которую делали всем членам этого кровавого братства, была почти легендой.

Агути решил, что ему следует всё это записать в свой блокнот. Он всегда всё записывал. Он припомнил наставления своего дяди, морской свинки, сэра Кevi Лебриха. Они зазвучали в ушах так отчётливо, словно дядя стоял в двух шагах от грызуна: «Всегда используй в своей жизни две вещи, Янник: свою природную остроту зубов и свой талант всё записывать. В конце концов, что останется после нас после смерти?»

В этом месте Агути всегда жалел о своём родстве с дядей-свинкой, потому что его чёрный, как шерсть кабана, юмор понять решительным образом никто не мог.

Про связь аиста с «Корпусом мира» непременно нужно было записать. И про странного перепела тоже.

В своих мыслях молодой помощник отстал от барона и его спутника-филина и мигом припустился к выходу. Снаружи его ждала невероятная картина. Стаи птиц различных форм и размеров, с умопомрачительной яркостью оперений, сновали туда-сюда. Все они были одеты в деловые костюмы, и лишь изредка можно было заметить каких-нибудь голодранцев вроде того перепела из вагона. Янник даже заметил двух молодых пингвинов, которые раздавали листовки и выкрикивали:

— Голосуйте за первого мэра-пингвина Реджибрука Робустуса! Вернём пингвинам их птичий статус!

Такого в Грызунове, на его родине, не услышишь. Восхитившись смелостью этих двух императорских пингвинов, он наконец догнал своих спутников. Те уже стояли посреди перрона и ждали Агути.

— Молодой человек, — обратился к нему барон, — мы вас заждались. Скоро подъедет наш экипаж, и мы мигом доберёмся до гостиницы. Как она называется, ещё раз, Буба?

Филин вновь ухукнул и сказал:

— «Кречетов удел».

Дикобразу Иваннычу название категорически не понравилось, но что было поделать? У гостиницы была хорошая репутация среди местной элиты города, да и, в целом, платить за проживание им не приходилось: все расходы брала на себя полиция, а это уже было своего рода удобством.

Филин попросил друзей разрешения отойти в сторонку — он хотел направить письмо в мэрию о прибытии гостей. Агути решил осмотреться ещё раз. Прохожие, которые их окружали, почти не смотрели на них. Несмотря на то что оба путника принадлежали к другому виду зверей, это никого не смущало.

Вопреки мнению Дикобраза Иванныча о том, что журналисты вряд ли пропустят мимо ушей их приезд, никаких ворон или сорок даже близко не было. «Хоть бы один захудалый воробушек или канарейка подошла бы», — так и представлял себе негодующие мысли своего начальника Янник.

Всё это он тоже решил отметить в своих заметках о городе и о происходящем. Великий Трясогузкин ему нравился, хотя ни одной трясогузки он до сих пор и не встретил. Эта мысль показалась молодому Агути занятой. Улыбнувшись собственному каламбуру, он поспешил достать из кармана ручку, но вдруг замер.

В гуще потока, на другом конце вокзала, он узнал того самого перепела в сером пальто с высоким воротником. Он стоял и смотрел будто бы не на них, но скрыть того, что на самом деле наблюдает за ними, не мог. В крыльях он держал большую газету и смотрел поверх страниц.

— Дикобраз Иванныч, этот перепел из вагона, и он смотрит на нас! — поспешил сказать Янник барону.

Сыщик всмотрелся в толпу и тоже сразу заметил навязчивый взгляд шпиона.

— Любопытно, мой юный Агути, — пробормотал он. — Мне кажется, я знаю, кто это может быть. Перед нашей поездкой сюда я изучил сводки газет о происшествиях в Птицыне и Великом Трясогузкине. Везде красной строкой шла информация о некой перепелиной банде. Мол, зарабатывает она на воровстве и вымогательстве. Однако вот что странно: на месте каждого похищения грабители оставляли одно перепелиное яйцо — как бы указывая на почерк этих нечестных птиц.

— Но разве могут они знать о нашем приезде? А тем более о расследовании?

— Они знают так же мало, как и мы, дорогой друг. А ещё я почти уверен, что виновные в нашем преступлении не имеют к ним никакого отношения, — на слове «нашем» Дикобраз многозначительно приподнял бровь и, добившись нужного эффекта, прибавил: — Наши преступники гораздо изощрённее и умнее, чем кучка отвязных перепёлок.

Агути в очередной раз восхитился проницательностью своего наставника, барона. Буба вернулся со своим характерным «ухуканьем», и они вместе направились к выходу с вокзала.

Всё это время перепел продолжал, находясь на расстоянии, наблюдать за ними. Голоса пингвинов-активистов уже были едва слышны, шум вокзала затихал, и с каждым шагом они всё дальше отдалялись от вокзальной суеты. Путешественники знали, что их ждёт уютная гостиница — ведь по-другому и быть не должно.

Оказавшись за пределами вокзала, филин любезно указал на автоматический экипаж с красивым воронёным цветом. За рулём сидел пожилой тетерев. Очнувшись от своего, казалось, векового сна, он разлепил лохматые брови и услужливо помог разместиться путникам, а сам отправился за багажом в вагон.

Дикобраз не испытывал никакой неловкости по этому поводу, а вот Янник с ужасом представил, как пожилой водитель будет тащить увесистый саквояж барона, и ему стало не по себе.

— Прошу прощения, но меня ждут дела, — сказал филин Буба и поспешил удалиться. Путешественники же сидели, уютно устроившись в экипаже, ожидая водителя.

Филин приоткрыл дверь и добавил на прощание:

— До встречи в отделении участка. Вы узнаете меня по большому пеликану рядом, — снова неловко пошутил он и, громко ухукнув, на этот раз окончательно удалился.

Дикобраз вздохнул с облегчением и посоветовал своему помощнику тоже расслабиться.

Дикобраз вздохнул с облегчением и посоветовал своему помощнику тоже расслабиться.

В дверь снова постучались. Барон с негодованием встрепенулся всеми иголками и даже не успел произнести слово «Буба», как Янник уже приоткрыл дверцу экипажа. К его глубокому сожалению, это был не водитель. Возле двери, на ступеньке, лежало запечатанное сургучной печатью письмо.

Агути выскочил наружу и постарался успеть разглядеть птицу, которая могла оставить приметный конверт, но та уже скрылась. На секунду Яннику показалось, что он увидел блеск золотого оперения в толпе. «Интересно, кто носит золотое оперение?» — задумался агути.

Барон взял конверт в свои лапы, посмотрел на печать, вздохнул и тут же бесцеремонно разорвал его.

В записке, оставленной двум путникам, было только одно слово:

«Уизжайте!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.